

Мария Голетиани

Мусорщик

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мария Голетиани Мусорщик

<https://litres.ru/74596064>

SelfPub; 2026

Аннотация

В двадцать четыре года Усаме хотелось любви и денег. За ними он и приехал в Москву. Вот только молодой южанин не ожидал, что столица навсегда заберет его доброе сердце.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Мария Голетиани

Мусорщик

Глава1

Не счесть, сколько раз он представлял, как бы она пришла к нему. И она пришла: во всем великолепии своего цветения, золотоволосая, с теплым взглядом янтарных глаз. Случилось это в ранних сумерках декабря. Ошарашенный, Усама неподвижно сидел на краю кровати, а сердце его, и без того не знавшее покоя, сейчас, казалось, вот-вот выскочит наружу. Как она вошла? Неужели он забыл закрыть дверь? С обнаженным торсом, в растянутых на коленках трикотажных штанах и в одном носке он замер на кровати. Один только взгляд этой совершенно чужой женщины был способен превратить его в камень.

Усама молча рассматривал свою гостью. Она стояла у двери в другом конце комнаты в хорошо знакомом ему меховом пальто и бежевых сапожках. Он перевел взгляд на свой носок с потертойстью у большого пальца и смутился. Куда подевался второй? Он медленно поджал ноги, пряча их под кроватью. Когда Усама вновь посмотрел на свою гостью, ее пальто уже исчезло и теперь она стояла лишь в одних сапожках. За свою жизнь он видел немного обнаженных женщин, но эта,

несомненно, самая прекрасная из всех на земле! Не только на этой, известной ему земле, преисполненной боли и тоски, но и однозначно на всех неизвестных землях тоже.

Медленным, уверенным шагом гостья направилась к Усаме. Только стук каблуков и его взбесившееся сердце нарушали тишину в комнате. Золотоволосая красавица тесно прижалась к потному мужскому торсу, и Усама издал слабый стон. Она провела щекой по его взъерошенной бороде и поцеловала в губы.

«С кем это она научилась так целоваться?» — мелькнула у него ревнивая мысль, а за ней другая: «Наверное, от меня несет пельменями...»

Он робко положил руку на талию своей наездницы и глубоко вдохнул запах ее тела. Усама уже не помнил, когда последний раз ощущал женский аромат. Женщина, подумал он, такое теплое создание, и блажен тот, кто каждую ночь прикасается к женщине.

Тем временем гостья ускоряла ритм своей страсти и Усама, еще пару минут назад смущенный, уже полноценно отдался случаю. Мужская плоть его затвердела, по зову древнейшего инстинкта они слились в единый пульсирующий клубок и двигались в такт неслышимой музыке, чей композитор творил задолго до первых людей на земле. Сколько это продолжалось? Время исчезло, а вместе с ним исчезли все тревоги Усамы, теперь ничто не имело значения. Его гостья, проводница к сладкому забвению, потеряла свои черты. Их

тела срослись, запахи перемешались, Усама, окутанный густыми золотыми прядями, тонул в каплях пота на шее красавицы и уже не понимал, где заканчивается его плоть и начинается ее. В этом безвременном промежутке абсолютного счастья, разгоряченный теплом женского нутра, он шептал ей свою исповедь о любви и боли. Он признавался своей госте, что никогда никем не грезил так отчаянно и каждый раз ему медленно отрубают руку, когда он видит ее с другим. На спелой женской груди он клялся всем, чего не имел, что непременно все заимеет. Он сделает все — правда, правда! Пока не знает, что конкретно, но она должна ему верить. А она, кажется, была безразлична к признаниям. Золотоволосая красавица, кроме как об удовольствии, больше ни о чем не думала. Выражение ее лица застыло в глубокой безмятежности, только хмурившиеся периодически брови от мощных ударов любви свидетельствовали о ее причастности к земному миру. Это продолжалось вечно и, вероятно, продлилось бы еще одну, не оказалась погода декабря преждевременно суровой. Старые деревянные рамы не вынесли безжалостного удара снежной выюги, окно с грохотом ударилось о шкаф, дверца которого в очередной раз отвалилась, и Усама весь в поту проснулся.

Открыв глаза, он первым делом осмотрелся. Все было прежним — старым и убогим. На кровать Саида с рамы сыпались мелкие осколки краски, и ветер заставлял их кружиться в воздухе так неестественно, что Усама, заморожен-

ный зрелищем, какое-то время все еще ощущал себя во сне. Слегка потрескивали швы на обоях, пронзительно выла пружина изрядно помотанного матраца, и даже потертый носок на мозолистой стопе сохранял свое одиночество. Все было прежним. Единственное, чего никогда не было в этой убогой комнате, так это следа золотых волос. Усама вытер пот одеялом и, убедившись, что дверь в комнату закрыта, поспешил успокоить пульсирующую плоть.

2

Вскоре он вновь уснул и проснулся уже от вибрации телефона под подушкой. Каждый будний день в шесть утра, ровно за час до работы, Усаме звонила мать. После отъезда сына в большой город ее стала мучать бессонница. Теперь своими звонками мать будила сына, чтобы тот не проспал работу. Нашулав телефон под подушкой, Усама с закрытыми глазами ответил:

— Да.

— Уса, ты проснулся?

— Почти, — сонно проворчал он.

— Надо просыпаться, сынок, чтобы не опоздать на работу.

— Я ненавижу эту работу.

— Даже на нелюбимой работе платят деньги. Ты думаешь, отец твой любил свою работу?

— Мой отец умер в сорок лет.

— А до этого он был настоящим мужчиной, он всю жизнь работал, чтобы кормить семью. Тебе пора задуматься и о

своей семье. В твоём возрасте, Уса, твой отец уже нашел у сына первую сигарету. Тебе пора бы жениться, сынок, а без работы нельзя жениться. Уса, я переживаю за тебя. Как ты себя чувствуешь? Вчера в чашке выпала такая странная тень над тобой, это очень плохо. У тебя есть теплые вещи?

— Есть, мне пора, я только...

— Вчера приходила Снежанка, — на одном дыхании продолжала мать, — просила меня посмотреть чашку, принесла полную сумку вещей. Уса, у тебя какой размер? Это вещи дяди Ахмеда, его парализовало полмесяца назад, врачи говорят, что он уже не встанет, вот Снежанка и подумала, на кой черт ему зимние вещи. Сынок, ты знаешь, дядя Ахмед плохих вещей никогда не носил, а я все постирала, выгладила. Тут два хороших свитера, штаны теплые, куртка зимняя с воротником. У тебя сейчас какой размер?

— Мам, мне пора.

Мать звонила Усаме, чтобы тот не проспал работу, но парень знал — дай ей волю, и из заветного часа между пробуждением и уходом из дома она заболтает его минут на сорок, а то и больше. Отбросив телефон в сторону, он еще какое-то время продолжал лежать с закрытыми глазами и пытался вспомнить лицо отца, но всплывающие образы мгновенно исчезали. Зато квадратное южное лицо дяди Ахмеда прочно засело в памяти. Высокий, с широким туловищем, он напоминал маленькому Усаме никем и никогда не покоренную гору. Он был другом отца с первого школьного звонка

и оставался им до самого последнего дня, когда отец Усамы уснул навеки.

Эта дружба принесла двум семьям немало слез и радости. Оба рано женились, почти одновременно поздравили друг друга с первенцами, вместе брались за любую работу, всегда физическую, изнашивали себя на бесконечных шабашках и так гудели в местных ресторанах, что все официанты знали — ночка предстоит трудная и чаевые будут достойными. И в эти нелегкие для всех работников ресторана вечера литрами лилось вино, гремели могучие голоса во время споров, зал заливался страшным мужским смехом, в воздухе летали карты и деньги. А легкого нрава женщины, сопровождающие шумную компанию, несвежие, но всегда яркие и веселые, сочно уплетали лучшие блюда, потому что были уверены — два здоровяка на отдыхе никогда не скупятся.

Друзья гуляли на широкую ногу, нередко с опасными приключениями, но никогда не пренебрегали одним правилом: как бы хорошо ты ни кутнул, засыпать должен в своей постели. Поэтому под утро взъерошенные, сытые и пьяные они приходили в постели к своим женам. Те ворчали недолго — у двух силачей, в чьих венах бурлило вино, хватало сил и на домашнюю любовь. А после столь изнурительного отдыха они отправлялись на тяжелую работу и никогда не опаздывали. Так они и жили — из года в год, всегда.

Вспоминая лицо отца, Усама перебрал в памяти десятки различных картинок, в которые неизбежно превращается

жизнь, и набрел на случай, о котором не рассказывал никому и никогда. Прошло девятнадцать лет, но он до сих пор со смущением вспоминает день, когда случайно увидел, как отец перед зеркалом помогал матери застегнуть новые серьги — подарок в честь ее дня рождения. Пятилетний Усама, будучи ребенком не столько сообразительным, сколько остро и тонко чувствующим, стоял у полузакрытой двери родительской спальни в полнейшем оцепенении. Никогда не забыть ему, как сквозь крохотное пространство между шторами в темную комнату проник солнечный луч и попал в самую цель: усилил блеск золота и подсветил молочную, изящную шею матери. Голубой камень в оправе из нежно-розового золота пришелся по вкусу молодой женщине, и она казалась в тот миг воплощением всего самого прекрасного, за чем неустанно гонятся романтические натуры и что привыкли считать несбыточным. Усама, околдованный моментом и одновременно напуганный ранее не исследованным им чувством, наблюдал, как мать, уверенная в том, что их никто не видит, страстно целует мужа в губы, а голубой камень на ее прелестном ушке при каждом движении во время поцелуя сияет в объятиях солнечного света. Это продолжалось не более двух минут, но в памяти Усамы осталось навсегда. Ох, он бы все отдал, лишь бы золотоволосая красавица подарила ему такой поцелуй!

Так в пять лет он впервые испытал противоречивость чувств: восхитился поступком отца и жутко приревновал к

нему свою мать. Что-то неприятное проникло в его внутренности и крутилось там до тех пор, пока не превратилось в комок у горла. Мальчишка понял — родителей объединяет нечто прекрасное и они это тщательно скрывают, что ему очень не нравилось. Убежав в свою комнату, он не сдержал слез и всю ночь размышлял о том, где бы взять денег на подарок маме, да такой, чтобы тот оказался не хуже подарка отца, а лучше — чтобы он его превзошел.

Уколовшись тайным воспоминанием из детства, Усама с удивлением обнаружил, что образ отца так и не поддался его памяти. Не придав этому большого значения, он порылся в постели, поелозил ладонями по сонным глазам, встал и осмотрелся — где же этот чертов носок?

3

Усама снимал койко-место в трехкомнатной квартире на юге Москвы. Одна комната была закрыта на ключ и предназначалась для хозяйки, которая появлялась в квартире крайне редко, а может, и не появлялась совсем, во всяком случае, за полгода проживания Усама ее ни разу не видел.

В самой крохотной комнатухе, больше похожей на балкон, жил Алексей — худощавый студент лет двадцати, весь покрытый угревой сыпью. В комнате Алексея изначально стояла одна лишь кровать с тумбочкой, больше там ничего не помещалось. Но поскольку студенту необходим был стол, то он с разрешения хозяйки перетащил мебель в пустующую комнату, а в свою бог весть откуда принес изрядно пошар-

паннный диванчик, на котором с трудом можно было переворачиваться, и маленький стол со стулом. Про шкаф нечего было и думать, поэтому юноша прибил к стене несколько полок и приклеил на обои пластмассовые крючки. На них висела его немногочисленная одежда, а полки были заставлены книгами.

Алексей редко появлялся на кухне. Да и в ванной комнате по утрам Усама ни разу с ним не сталкивался. Этот бледный юноша имел одно ценное качество — жить, не мешая другим. Когда Усама заходил в комнату к студенту (до описываемых событий это случалось очень редко), ему порой казалось, что перед ним не человек, а иноземное существо с увечьями, наподобие тех, что мелькают в фэнтезийных фильмах, когда одного из героев пожирает какое-нибудь гадкое насекомое и облик его постепенно теряет привычные черты, искажаясь под воздействием яда шершавого убийцы. А воспаленные, налитые кровью от непрерывного чтения глаза студента однажды натолкнули Усаму на мысль о том, что существо это питается исключительно книгами.

Каждый сантиметр лица студента был покрыт воспалениями, природу которых не мог разгадать ни один столичный врач (по крайней мере, ни один из государственных поликлиник). Незвестная болезнь потихоньку распространялась на шею, грудь и руки молодого человека. Когда во время ковида вышел приказ Министерства образования о переводе студентов на дистанционное обучение, Алексей облегченно

вздыхнул. Ему до боли не хотелось появляться в обществе. Он замечал, как люди с брезгливостью осматривают его лицо, а при общении стараются избегать даже самого незначительного прикосновения.

Его природная восприимчивость к эмоциям и чувствам других людей помогала ему в учебе — он учился на психолога — и в то же время отравляла личную жизнь. В разговоре с людьми, особенно с женщинами, он улавливал мысль собеседника по глазам, скользящим от одного гнойного воспаления на его лице к другому.

Огромных усилий ему стоил отказ от надежды на плотскую любовь, для которой был предназначен его возраст. После двух провалившихся свиданий Алексей твердо решил — третьего не будет никогда. Поначалу зов инстинкта он удовлетворял в одиночку, подключая воспаленную фантазию. Потом понял, что фантазии о женщинах дают надежду, а поскольку свой случай он считал абсолютно безнадежным, вскоре решил отказаться от представлений даже самого слабого эротического содержания. Когда ему, наконец, удалось этого достичь, он подумал о том, чтобы вообще перестать разделять людей на мужчин и женщин, тем самым лишив последних силы соблазнения. Но вскоре отбросил эту идею, решив, что она может навредить его будущей карьере. Весь обставленный книгами, студент проводил дни и ночи в своей маленькой комнатухе.

Живому общению с людьми он предпочитал диалоги с

давно покойными мэтрами пера и переписки в социальных сетях. Нельзя сказать, что Алексей был необщительным человеком, ни в коем случае! По своей натуре он был даже чересчур общительным, но общество постоянно отвергало его, и он спрятался ото всех в комнате, чтобы уберечь свое сердце от страданий. А недостаток внимания восполнял регулярно оплаченным интернетом. Алексей был в курсе всех событий столицы, каждый день читал новости и с удовольствием общался во всевозможных мессенджерах.

Единственными реальными существами в жизни студента были Усама и кот. Последний — самый постоянный житель из всех, кого видела эта квартира. Хозяйка оставила кота из практических соображений — чтобы тот не испортил ремонт в ее новой двушке. Она предложила квартирантам скидку в пару тысяч рублей с одним условием: они должны кормить кота и убирать за ним.

Брошенный кот около двух месяцев не мог понять, куда вдруг исчезла его хозяйка, но время, одинаковое для людей и животных, сделало свое дело. Кот будил студента по утрам, прикасаясь мокрым носом к его обезображенному лицу, и подолгу признавался в симпатии мурчанием.

Сначала парни поделили между собой обязанности: Усама кормил кота утром перед уходом на работу и покупал кошачий корм, а уборка лотка и вечернее кормление оставались за Алексеем. Но вскоре студент так привязался к животному, что все обязанности по уходу за ним взял на себя.

Со стипендии он купил коту игрушку — тряпочную мышь на палочке. Кот обнюхал подарок и отвернулся. Алексей сделал вывод, что люди и животные взрослеют одинаково — после предательства. К игрушечной мыши кот больше не прикасался, но ласку не забыл и смотрел на Алексея с таким благоговением в желтых глазах, что, казалось, красивее человека для него на свете никогда не существовало. На заваленном книгами столе и крохотном диване студента всегда находилось место для кота.

Алексей участвовал в различных конференциях дистанционного формата, писал никому не нужные научные статьи... и все ради того, чтобы получать повышенную стипендию и платить за комнату. Но всей своей пылкой душой, которую, к сожалению, до сих пор не смогла разглядеть ни одна из его сверстниц, он желал реальной психологической практики. Алексей был уверен, что к своим годам уже достаточно разбирается в учениях матерых мастеров психологии, поэтому грезил о настоящей работе.

Наконец, случилось то, о чем он так давно мечтал. Преподаватель доверил ему свою клиентку — женщину, впавшую в депрессию после развода с третьим мужем. Алексею предстояло проконсультировать ее по видеосвязи. Вот уже вторые сутки студент ничего не ел, а лишь читал заумные книжки и проговаривал коту все то, что собирался вещать своему первому в жизни клиенту. Он даже прикупил новую рубашку, чтобы солиднее смотреться в экране. На последние

деньги, разумеется.

4

Третью комнату занимали Усама и пожилой человек с черными бровями и длинной седой бородой. Звали его Саид. Это был очень скромный человек, и Усаме жилось с ним спокойно, к тому же старик всегда уходил из квартиры до восхода солнца, поэтому застать его можно было только по вечерам.

В целом Усама был доволен соседом, правда, иногда тот храпел и по выходным курил травку. Каждый раз, потягивая косяк двумя изуродованными пальцами без ногтей, Саид уверял Усаму, что сырье для этой, как он выражался, сладостисобирали двенадцать прелестнейших девственниц.

— Лучшие женщины мира сего, обнажив неприкосновенные тела свои, весело танцуют среди конопляного поля, чтобы пыльца с соцветий прилипла к их природным драгоценностям, которые... — тут Саид обычно с сердитым видом клялся, нахмурив черные брови, — не видел ни один мужчина на земле! Воздушные и счастливые, единственные хозяйки своих сокровищ, они кружатся в закрытом саду, с красотой которого не сравнится ни одна королевская оранжерея. И блестящие волосы щекочут им ягодицы, и подлинная радость отражается в белоснежных улыбках невинных красавиц...

Такой историей Саид каждый раз сопровождал первую затяжку.

— Только Божьему взору доступна подлинная женская радость, — уверял он Усаму, — задолго до встречи с цветом моей жизни — Лилит — я познал ее, я вдохнул частичку ее нетронутого тела. Только так, Усама, мужчина находит свою женщину — по запаху. Только так!

Усама, к вечеру обычно уставший после работы, не придавал большого значения словам накуренного деда, но всякий раз, отчасти из уважения, отчасти из праздного любопытства, дослушивал его истории до конца. Всегда расслабленный, наполовину в мире реальном, наполовину за его пределами, с затуманенными глазами и улыбкой сумасшедшего, старик чем-то притягивал к себе. Обычно он исчезал до рассвета и появлялся в комнате ближе к ночи, когда измученный ненавистной работой Усама готовился ко сну.

5

В ванной комнате сняв одежду, Усама уставился в зеркало. Вот его молодое, хорошо развитое тело и не по годам несчастное лицо. Усама недавно исполнилось двадцать четыре года. Изредка поблескивающие первые седые волоски и протянувшаяся посередине лба морщинка прибавляли ему пару лет. Ванная стала для Усамы чем-то вроде ритуального места. Несколько раз в день мощным напором воды он смывал с себя запах гниющего мусора, словно очищая себя для девушки, о которой так давно грезил. Он тщательно промывал с шампунем волосы и бороду, затем ослаблял напор и подолгу стоял под душем с закрытыми глазами, представляя,

что капли, обволакивающие его упругое тело, — вовсе не капли, а прикосновения золотоволосой красавицы. Неужели жизнь — это череда ненавистной работы и вечернего душа, смывающего ее противные остатки? В ванной комнате Усама мечтал и страдал.

В коридоре его молчаливо провожал на работу сонный кот, чьи огромные желтые глаза сейчас выглядели двумя щелочками. Он обернул себя хвостом и спокойно наблюдал, как Усама зашнуровывал ботинки. Спустя мгновение кот уставился на входную дверь, глаза его раскрылись, зрачки почернели. Из подъезда слышались мужские голоса. Усама небрежно почесал коту ухо, а тот словно и не заметил. Парень открыл входную дверь, но проход ему перекрыла открытая нараспашку дверь соседей. Он собирался ее толкнуть, но не успел, — его опередил гладковыбритый человек в форме.

На лестничной площадке оказалось многолюдно: помимо полицейского перед Усамой стояли четверо приезжих из Средней Азии — трое мужчин разного возраста выстроились вдоль обшарпанной зеленой стенки подъезда, ближе к одному из них пристроилась крупная женщина в махровом халате. Из квартиры доносились детские голоса.

Холеное, красивое лицо полицейского с прищуром посмотрело на Усаму:

— Утро доброе. Вам соседи доставляют неудобства?

Усама быстрым взглядом окинул присутствующих и узнал

среди них только женщину в махровом халате и невысокого коренастого мужчину лет пятидесяти пяти, по всей вероятности, мужа этой женщины. Усама сталкивался на лестничной площадке с разными людьми, и все они входили в эту загадочную квартиру: одних он видел единожды, другие задерживались на несколько дней, некоторые оставались на месяцы, но эти двое были постояльцами. Коренастого мужчину, например, Усама встречал обычно по утрам в лифте, тот тащил за спиной огромную курьерскую сумку ярко-желтого цвета. А по вечерам Усама сталкивался в подъезде с его женой. Она катила перед собой инвалидную коляску с молодой девушкой лет восемнадцати. Дети, подростки, беременные женщины с младенцами на руках, молодые мужчины и еле передвигающиеся старухи — кто только ни проживал в этой, казалось, резиновой квартире.

Но самым загадочным для Усамы оказался тот факт, что в многолюдном жилище ежедневно царила благоговейная тишина. Ни один мужик там не храпел так, как дед Саид, а женщины никогда не закатывали истерик. Даже детского плача никогда не было слышно. Пару месяцев назад Усама, выйдя из лифта, обнаружил соседскую дверь открытой нараспашку: из квартиры тянулся пряный аромат чего-то очень вкусного и двое мальчуганов лет четырех стояли в коридоре, уставившись на него не по-детски умными глазами. Они молча смотрели без страха, удивления или радости. «Прямо как маленькие самураи», — подумал тогда Усама. С тех пор он решил,

что азиатские дети взрослеют раньше времени или же вовсе рождаются взрослыми людьми.

Усама беглым взглядом окинул присутствующих. Женщина в махровом халате покраснела, прикусила губу и не могла найти применения пальцам рук. Она тревожно уставилась на парня.

— Доброе. Нет, — ответил он, стараясь ни на кого больше не смотреть и поскорее закрыть ключом свою дверь.

Полицейский продолжал:

— А сколько человек проживает в этой квартире, случайно не обращали внимания?

Мужчины молчали, опустив головы. Руки женщины уже не подчинялись хозяйке, судорожно бродя по лицу и шее. Усама закрыл дверь, повернулся к полицейскому и на этот раз, глядя ему прямо в глаза, уверенно ответил:

— Никогда не обращал внимания.

Полицейский недоверчиво кивнул и пропустил Усаму к лифту. Когда дверцы лифта заскрипели, он услышал, как женщина в махровом халате тяжело вздохнула.

6

Выйдя из подъезда, Усама сразу же оказался на работе, в ненавистном ему дворе спального района столицы, который имел мало общих черт с ее центром.

Усаму, южанина из маленькой республики, столица поражала в первую очередь мощнейшими контрастами. Ему едва исполнилось двадцать четыре года, когда он увидел свер-

нувшихся калачиком бездомных на лавочках метрополитена; пьяниц, лежащих в собственной моче возле небольших круглосуточных магазинчиков, так и притягивающих ближе к ночи сомнительных личностей; трудяг из Средней Азии с безразличными лицами и мозолистыми руками, толпами ютящихся в съемных однокомнатных квартирах с ремонтом настолько древним, что, кажется, каждая полка в шкафу этой квартиры застала смерть не одного поколения москвичей и все еще продолжала источать запах этих поколений. Беременные, из года в год вымаливающие на коленках деньги в подземных переходах; старые алкоголички с фиолетовыми раздутыми лицами и беззубыми ртами, потягивающие дрожащими руками дешевые сигареты и обливающие прохожих словесными помоями; красивые, статные и словно немые темнокожие, торгующие ворованным парфюмом; бродячие калеки, заливающие в себя спирт мерзлыми зимами и еще многие обездоленные, потерянные, кое-как выживающие в одной из самых красивых столиц мира вдруг открылись ему.

Нищета, какое бы разнообразие в своих облициях она ни проявляла, какие бы душещипательные причины не выпячивала в свое оправдание, она, нищета, всегда стремилась к одному — душевному и физическому гниению. В мегаполисе нищета для Усамы открылась по-новому. Он с детства знал тех, кто с утра до ночи вел бой за кусок хлеба, но тут было совсем иное — абсолютное разложение тела и души, и лишь одна цель — выжить. Удивительно, насколько велико-

лепны и грациозны животные в пленительной борьбе за выживание и насколько отвратительны люди с этим единственным стремлением.

Усама надолго запомнились ноги одного приезжего, тащившего за спиной два огромных баула. Подступала холодная московская осень, когда низкорослый худощавый человек в рваных шлепанцах шел по переходу с Охотного ряда на Театральную. Вены на его ступнях побагровели и раздулись, кожа с глубокими трещинами походила на смятый кусок жесткой бумаги, а грязь слилась с ногтями так, что, казалось, они были покрашены темно-серой краской. Увидев это, Усама подумал о том, что нет женщины, которая ухаживала бы за этим бедолагой так, как ухаживала его мать за отцом, приходившим после тяжелой работы с отеками ступнями. Изнурительный физический труд, нищенские условия существования, раннее увядание, преждевременные болезни... и все ради того, чтобы каждый месяц отправлять деньги на жизнь той, которая никогда не намажет твои ноги мазью.

Как же впечатлил Усаму метрополитен со своими окрестностями! Когда он только приехал в столицу, то подкидывал мелочь каждой скорчившейся старухе, каждому певцу, завывающему зимой в тонкой ветровочке у выхода из метро, и, конечно же, сердобольным кормилицам животных. Поначалу Усама было искренне жаль всех этих людей. Когда он кидал в их мешочки деньги, то старался не смотреть им в

глаза, чтобы не смущать своим добрым жестом. Но позже он выявил определенную закономерность: прыткий певец стоял в переходе сугубо по вторникам и пятницам, среду и четверг занимала старуха, а по понедельникам и субботам на месте располагалась собачница с тремя здоровенными псами и табличкой «Подайте на корм!». Усама начал догадываться, что его принимают за дурака, и вскоре уже проходил мимо всех этих людей с непоколебимым видом, а иной раз и вовсе — пренебрежительным.

Алексей как-то сказал ему, что в мегаполисе у каждого человека со временем появляется блазирванный взгляд.

— Какой взгляд? — нахмутив брови, спросил тогда Усама.

— Блазирванный, иначе говоря, уставший, пресыщенный. Это по Зиммелю. Блазирванный взгляд появляется из-за того, что человек в большом городе ежедневно вынужден контактировать с огромным количеством людей. Видишь ли, при таком раскладе относиться к каждому с душой тяжело даже сугубо физически. Поэтому мы и проходим мимо друг друга с каменными лицами, — пояснил ему студент.

Усама, разумеется, ничего не слышал ни про Георга Зиммеля, ни про немецкую социологию вообще. Но, поразмыслив некоторое время на эту тему, он пришел к выводу, что уставший взгляд у человека в большом городе возникает не столько от количества, сколько от качества окружающих его людей. В мегаполисе, решил он, просто гораздо больше об-

маншиков, идиотов и грубиянов, которые ежедневно отравляют жизнь обычному честному работяге.

Когда мать провожала Усама в Москву, то предупреждала его, что в большом городе нужно быстро научиться ни от кого не зависеть, потому что, как говорила она: «Тебе там даже не ответят, который час, никому ни до кого нет дела!» Усама, по своей натуре человек не очень уж общительный, на это и рассчитывал. Но в действительности оказалось, что в большом городе обязательно найдется тот, кому, вопреки твоей воли, до тебя найдется дело.

Очень скоро Усама убедился, что Москва — не только пристанище для *выживающих*, но и уютное гнездышко для самых что ни на есть *живущих*, живущих хорошо, очень хорошо! Как же его, бесцельно гуляющего без денег, заворачивали огни элитных ресторанов на Патриарших, усиливающие блеск мужских часов, за стоимость которых можно приобрести квартиру в Подмосковье. А эти дорожные автомобили студентов, припаркованные возле лучших университетов страны! Поражающие своими масштабами жилые комплексы — целые вселенные для привилегированных с собственными салонами красоты, фитнес-клубами и магазинами. А бутики в сердце столицы, которые давно уже выиграли право первенства у скульптурных достопримечательностей, притянув к себе в тысячи раз больше ошарашенных лиц с широко открытыми глазами. Театры, музеи, бесконечные выставки современного искусства и прочие составляю-

щие жизни *живущих* поражали Усаму на фоне жизни *выживающих*.

Очень скоро он заметил, что любой, у кого появляются большие деньги, желает огородить себя от серой массы, а уж в Москве как нигде созданы для этого все условия. Дорогие продуктовые магазины имеют ту же продукцию, что и дешевые, но главное их преимущество состоит в том, что они гарантируют *живущему* покупателю, что *выживающий* с ним в очереди стоять не будет. Такси премиум-класса дает надежду, что водитель знает достаточно русских слов, чтобы молчать, а на сиденьях не осталось следов от предыдущего пассажира. А частные школы за фантастическую для среднестатистического человека ежемесячную сумму уверяют состоятельных родителей — синие волосы их ребенка не тронут хулиганистые дети.

Контрасты столицы пугали Усаму, но всей пылкостью южного сердца он верил, что когда-нибудь обязательно сможет зажить в Москве хорошо и разделить благополучие с девушкой мечты. Разве не для того он сюда приехал?

7

Работа дворником не приносила ему ни денег, ни счастья. А ведь в цветущие двадцать четыре так хочется и того и другого! Свой труд Усама считал не только унижительным, но и совершенно бесполезным. Каждый день он очищал улицу от скомканных пластиковых бутылок, сигаретных окурков, рекламных листовок, собачьих экскрементов, бумажек, па-

чек чипсов, грязных влажных салфеток, стекла, полиэтиленовых пакетов, жвачек, носовых платков, шелухи семечек, выброшенных из окна использованных презервативов, резинок для волос, железных крышек, засохшей рвоты и еще не засохшей, пивных банок, чайных пакетов, кусков туалетной бумаги, скомканных чеков, фольги из сигаретных пачек, конфетных оберток, детских сосок и бумажных пакетов детского питания, палочек от леденцов, игральные карты, черствого хлеба, ватных дисков, банановой кожуры, колпачков от ручек, раздутых от крови женских тампонов...

Мусор снился ему. Запах мусора стоял у него в носу даже после ритуальных очищений в ванной. Усама ненавидел мусор. Теперь, работая дворником, он ненавидел каждого, кто бросал окурок на тротуар, а ведь еще совсем недавно и сам так делал. Брошенный окурок он воспринимал на свой счет, ему казалось, что мусор летит не на тротуар, а прямо ему в лицо, и тот, кто бросил его, как бы кричит: «Ты — ничтожество!»

Нет, нет, он способен на большее. Только вот на что? Чем бы таким заниматься в двадцать четыре, чтобы не ощущать себя ничтожеством, а главное, чтобы ничтожеством тебя не считали женщины? Кем нужно работать, чтобы она, золото-волосая мечта, покорительница его сильного сердца, обратила на него внимание? Скорее всего, думал Усама, нужно занимать какой-нибудь высокий пост, иметь диплом приличного университета, прочитать множество книг, как Алексей.

Но Алексей просто начитанный, рассуждал Усама, у него нет денег, да и с лицом беда, а если хочешь завоевать расположение женщины, без денег не обойтись. Лицо-то — ерунда, положение и деньги любое лицо облагородят. В общем, нужно заниматься чем-то поважнее уборки мусора, чтобы держать за руку любовь своей жизни. А быть дворником, думалось Усаме, не только унижительно для женских глаз, но и совершенно бессмысленно: сколько ни убирай собачье дерьмо, завтра хозяйка опять выгуляет своего пуделя. Сизифов труд, которому он отдавал годы своего цветения, с каждым днем омрачал его жизнь все сильнее и сильнее.

Усама был мечтателем: в свои годы он имел весьма туманные представления о жизни, которые сводились лишь к материальному достатку и любви. Главное, рассуждал он, чтобы дом был полон изобилия, а по ночам рядом засыпала любимая женщина. Но жизнь, особенно жизнь большого города, требует конкретики — определенных навыков и не менее определенных действий. Никакой конкретики у него не было и не предвиделось. Он плыл по течению жизни и мечтал так, как это делают максимально не практичные люди, — чтобы получить небольшую дозу удовольствия и забыться.

И все же зерно упало в плодородную почву: когда на горизонте жизни появилась прекрасная незнакомка, Усама впервые задумался о переменах. Не ради себя, разумеется, а ради нее. С самим собой Усаме было вполне комфортно. В целом он считал себя человеком порядочным. Чего ж еще на-

до? Если бы не женщины... Что значит быть порядочным человеком для женщины? — просто пыль! Чтобы держать за руку даму своих грез, нужно быть кем-то посolidнее хорошего парня. С этими мыслями Усама встречал очередной ненавистный рабочий день.

8

Утро не предвещало ничего хорошего, впрочем, как и любое предыдущее с тех пор, как он устроился на работу. За ночь навалило снега, и Усаме предстояло расчистить двор. Без снега Москва южанину казалась совсем уж суровой, и чем дальше от центра, тем хуже. Панельные муравейники вконец омрачали ему настроение, когда не были прикрыты пышной зеленью. Огромные серые глыбы, местами обшарпанные, местами обгорелые, они, как ветераны бесконечных войн, внушали Усаме одновременно страх и сочувствие.

Однажды дядя Ахмед сказал Усаме, что в Москве, не говоря уже о крайнем севере, живут мужчины с железными яйцами, потому что умеют зарабатывать деньги даже в самую страшную непогоду. Сам дядя Ахмед никогда не был в столице, потому что никогда не сомневался в мощности *своих*. Усама тяжело переживал серость московской зимы. Этим цветом и в другие месяцы была окрашена его жизнь. Поэтому наваливший за ночь снег придал ему немного сил, в конце концов, убирать снег ему нравилось больше, чем окурки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.